

К вопросу о культурной миссии современного университета

Т.В. Сохраняева

*Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра философии
естественных факультетов*

Аннотация. В статье анализируются некоторые аспекты современного понимания миссии университета. Автор подчёркивает противоречивость процесса функционирования университета как традиционного элемента европейской культуры в условиях глобализации и мультикультурализма. В статье обосновывается видение современного университета как модели мультикультурного сообщества.

Abstract. In the paper some aspects of contemporary understanding of university mission have been analyzed. The author has emphasized the contradictions of the process of university functioning as a traditional element of European culture under the conditions of globalization and multiculturalism. In the paper the vision of contemporary university as a multicultural community model has been grounded.

1. Введение

Всякий культурный феномен (как артефакт в широком смысле) предполагает интерпретацию. Это влечёт за собой осмысление места и функций данного феномена в культуре, а также уяснение смыслов порождаемых им явлений. И поскольку смысл артефакта может меняться в зависимости от его "удельного веса" в контексте той или иной культурной эпохи, интерпретации могут быть различными даже в рамках одного культурного типа. Именно поэтому мы можем вести речь о нескольких вариантах "прочтения" идеи университета в контексте европейской культуры. Смысл этих прочтений определялся символическими языками культурных эпох, которые по-разному истолковывали миссию и культуротворческие функции университета.

Каким же может быть восприятие идеи университета в XXI веке, в контексте формирующегося информационного общества, в эпоху глобализации и мультикультурного развития? Какие функции выполняет университет сегодняшнего дня? Какие жизненные смыслы задаются университетским образованием, какие социальные связи и отношения порождаются университетской средой? Попыткой ответа на перечисленные вопросы является данная статья.

2. Современный университет: "приключения идеи" в эпоху глобализации и мультикультурного развития

Знаменитую метафору А. Уайтхеда – приключения идеи – автор использует для того, чтобы подчеркнуть не только влияние идеи университета на развитие европейской и мировой цивилизации, но и неизбежное изменение содержания "идеи университета" в последние два-три десятилетия как отражения изменившейся практики функционирования этого элемента культуры и социума. Следует специально отметить, что, употребляя понятие "современный университет", автор подразумевает университет сегодняшнего дня, а не классический европейский университет, сформировавшийся в Новое время и отражавший установки культуры эпохи модерна.

Классический европейский университет, в какой бы конкретно национальной форме мы его не анализировали, был теснейшим образом связан с национальным государством и служил целям легитимации власти. В Новое время миссия университета мыслится в связи с оформлением и выражением национальной идеи. И хотя в эпоху Просвещения университет мог выступать больше как "мануфактура чиновников" и в этом смысле контрастировать с гумбольдтовской моделью университета XIX века, нацеливавшей на единство образования и исследования, академических свобод и ответственности перед обществом, важнейшей функцией обоих типов университета была функция консолидации граждан национальных государств, легитимации знания и подготовки профессионалов для этих государств (Шнедельбах, 2002). Особенно явно это было выражено идеей немецкого университета. Во второй половине XX века в ходе оживлённых дебатов западноевропейской общественности, тема которых может быть обозначена как "вина и задачи университета", артикулируются новые культурные смыслы университета – стать политически активной силой, формирующей критическое общественное сознание, способствующей демократизации общественной жизни. Однако, несмотря на отличия этих интерпретаций, общим для них является признание университета выражением духа европейской цивилизации, определяющими признаками которой являются не географические или исторические рамки, а развитие на основе определённой культурной матрицы.

Характерно, что именно в Новое время идея университета становится объектом философской рефлексии, чего мы не наблюдаем в период зрелого средневековья – время возникновения и оформления университетов как корпорации интеллектуалов. Отчасти это связано с тем, что университет того времени ещё не воспринимается обществом как источник экспертного знания и культурных установок социума, отчасти – с тем, что у феномена средневекового университета нет такого мощного философского обоснования, какое мы видим применительно к идее университета Нового времени. Немецкая классическая философия, осуществившая анализ знания и его социальных функций, заложила основы интерпретации университета как "институции опосредования", благодаря которой возможен переход человечества от природного состояния к государству разума. В соответствии с этим культурный статус университета мыслился как исключительно высокий. Университет – это "питомник науки", учреждение культуры, центр образования, роль которого в государстве не является чисто утилитарной, поскольку университет выпускает не просто служащих и профессионалов, а граждан-субъектов (Ридингс, 2003).

В культурной ситуации последних трёх десятилетий вследствие прямых политических и технологических влияний глобализации и информационно-технологической революции университеты претерпевают существенные изменения своих функций и стратегии развития. Происходящие изменения связаны с двумя важнейшими тенденциями: автономизации университетов как элементов социальной структуры и коммерциализации процесса образования, проявления которых многообразны и могут быть оценены неоднозначно. По целому ряду причин – ослабление национальных государств как регуляторов жизни общества, изменение структуры современной экономики, значительное сокращение доли государственного финансирования, возрастающее социальное значение престижного образования, доступ к глобальным потокам информации и др. – университеты всё в меньшей степени выступают как проводники идеологии национального государства, и всё в большей – как достаточно самостоятельные субъекты международной деятельности.

В условиях неолиберальной глобализации главной целью высшего образования с неизбежностью становится производство полезного с точки зрения экономики агента производства, а идея университета начинает трактоваться в узком экономическом смысле: нацеленности на практический результат. Жёсткая конкуренция вынуждает университеты, как и любые другие институты и производства, быть гибкими в способах организации образовательного пространства, ориентироваться в своём развитии на потребности рынка, а не на "универсальные" проблемы знания, активно внедрять виртуальные формы обучения, формировать и поддерживать свой имидж и брэнд. "Университет изменился столь радикально, что типичный преподаватель, администратор или студент 60-х и 70-х годов прошлого века с трудом узнал бы его сегодня. Университет мог бы показаться ему более похожим на рыночную компанию или рекламное агентство, настолько сильна озабоченность университета проблемами прибыли, продукта, клиентов, доли рыночного участия, создания брэнда и имиджа" (Hassan, 2003).

Негативным аспектом встраивания университетов в экономику знаний и в процессы глобализации можно считать утрату ими автономии. Если не "de jure", то "de facto" утрачивается та автономность, которая отличала университетскую среду в течение долгих веков с момента их возникновения. Если во второй половине XX века в вину университетской среде ставилась оторванность от насущных проблем общества, выражаемая идеологией "башни из слоновой кости", то в наши дни университеты упрекают в чрезмерной погруженности в повседневность, в конъюнктурной зависимости от власти и денег. Коммерциализация высшего, и, в частности, университетского образования становится темой специальных исследований (например, Вок, 2003), подробно анализирующих опасности коммерциализации, способной уничтожить сам дух академического сообщества и разрушить научную репутацию университетов.

Названные тенденции дают основания для рассуждений о трансформации "идеи университета" в идею "конца университета", для скептических вопросов – храмом науки или супермаркетом является современный университет? Можно ли на фоне пессимистичных прогнозов смерти самой идеи университета выделить некое позитивное культурологическое содержание современных тенденций развития университетского образования? С точки зрения автора, можно. Позитивное содержание обнаруживается при рассмотрении современного университета как модели мультикультурного сообщества.

На рубеже XX-XXI веков в условиях информационного общества транснациональный характер массового сознания становится всё более очевидным. Характеристиками такого сознания являются не только усреднённость эстетических или интеллектуальных запросов, но и те не лишённые позитивного содержания явления, о которых в настоящее время размышляют теоретики глобализации: стремление людей разных стран и континентов к сходным жизненным целям, общность мечтаний, идеалов и ценностей, рост настроений демократической солидарности. Рассмотренный с такой точки зрения, массовый человек выступает как носитель формирующейся системы общечеловеческих ценностей и

устремлений, закладывающий основы "мира без границ". Современного космополита, в позитивном смысле слова "гражданина мира", способного не просто легко адаптироваться к различным средам (прежде всего, большим городам как зримым выражениям общечеловеческого мира), но и открытого для диалога культур, характеризующегося толерантностью сознания, можно, на взгляд автора, рассматривать как проявление "положительного смысла" прошедшего столетия. Причём восприятие всего мира как своего дома не означает утрату такими людьми национальной идентичности или чувства собственного достоинства. Но оно означает замену моноцентричной картины мира полицентричной, в которой разные культуры выступают как равноправные.

Естествознание всё чаще напоминает современному человеку о единстве человеческого рода. Если раньше названная идея была философским допущением в духе стоицизма или христианского универсализма, то после расшифровки генома у биологов, химиков, медиков появились основания рассматривать эту фразу как формулировку генетического закона. "Химия генов и геновая инженерия сейчас вступают в новую эпоху: расшифрован геном человека и показано, что он содержит генов значительно меньше, чем ожидалось на заре генетики, всего около 30000. Это значит, что все люди – братья (это не лозунг, это генетический закон), что все прошлые, уже ушедшие поколения, все поколения нынешние ... и все поколения будущего объединены единой и очень небольшой генетической "корзиной" из 30000 генов" (Бучаченко, 2004). И хотя автор не склонен однозначно связывать реалии социальной жизни с биологическими законами, тем не менее, показательно, что идеи мультикультурного общества имеют не только философское, но и естественнонаучное обоснование:

Множество факторов в современном мире приводят к тому, что всё активнее формируется космополитическая мультикультурная общность. Отношение к этим новым реалиям неоднозначное. Критики пишут об утрате идентичности, вводят понятие "культурной шизофрении", отражающее глубокий разлад в сознании представителей традиционных культур, оказавшихся в условиях постсовременного общества. По мнению критических аналитиков, стремительная глобализация, крушение национальных границ, расширение транснациональной сети капитала формирует номадическое воображение (воображение кочевников), для которого нет топоса, нет страны, нет территории. Этот тип сознания характерен для членов глобальной элиты, одним из основных признаков которой является "невовлечённость", выражающаяся не только в разрыве локальных связей, но и в жизненной философии, чуждой большинству форм социальной включённости (Bauman, 2003).

Наряду с критическим подходом, существует и позиция "принятия" реальностей глобального мира и мультикультурализма. Для целого ряда авторитетных мыслителей, среди которых могут быть названы, например, Ю. Хабермас, У. Эко, современный мир, в котором утверждаются принципы плюрализма, многообразия, равноправия, понимаемого, как равенство различий, выступает как жизненный и более справедливый. Идеи толерантности, солидарности, признания культурного разнообразия обосновываются тем, что люди разных культур, языков, традиций и обычаев выступают как граждане одного мира – такого уже небольшого, взаимозависимого и хрупкого. Проблемы Другого-Иного, позитивной интерпретации иного культурного мира, диалога сознаний и культур, галактики Интернета и пр. становятся вариантом философского обоснования мультикультурного универсума, дальнейшее развитие которого представляется несомненным.

Если космополитический по духу мультикультурный социум – это будущее информационного общества и глобализующегося мира, то современный университет являет собой наиболее приближённую модель такого сообщества, показывающую, на каких принципах оно может быть основано. Дух "общего" отечества и универсализма изначально заложен в самой идее университета. Ещё не став профессиональной корпорацией, интеллектуалы средневековья артикулировали космополитический характер научного сообщества, ярко проявившийся позднее в деятельности европейских университетов. Представителю Шартрской школы, выдающегося научного центра XII века, Гонорию Отенскому принадлежат слова: "Невежество – изгнание человека, его отечество – наука" (Ле Гофф, 1997). Функционирование современных университетов свидетельствует о том, что названная существенная характеристика университета не исчезает, а, напротив, даже более ярко проявляется в условиях "мира без границ", выступая фактором формирования мультикультурного сообщества.

Как известно, уникальность результата не является нормой в научном исследовании. В науке, в отличие от искусства, результат, который нельзя воспроизвести многократно, не может считаться надёжным и убедительным. По причине интернациональной природы научного открытия и наднационального характера его использования та или иная научная истина всё равно придёт к людям, даже если на её пути будут воздвигаться барьеры и препятствия. Научное знание, в отличие от философского или религиозного убеждения, – истина, которая не пострадает, если от неё отречься. Это очень хорошо иллюстрируют размышления К. Ясперса о различии судеб Бруно и Галилея. На примере отречения Галилея убедительно показывается, что "умереть за правильность, которая может быть

доказана, неоправданно" (Ясперс, 1991б). Научная истина общезначима, и если она не вступает в противоречие с идеологией (как, например, в случае с генетикой или кибернетикой), для носителей этой истины нет необходимости становится мучениками веры. И если реальная практика большого мультикультурного мира полна противоречий и столкновений, то академическое мультикультурное сообщество может успешно реализовывать ненасильственную рациональную коммуникацию. В современных условиях эти обстоятельства ещё подкрепляются необходимостью коллективного международного научного поиска и обмена информацией. Наука является национально организованной, но глобально взаимосвязанной.

К тому же следует учитывать и то обстоятельство, что осуществление современными университетами функции образования и трансляции знания тоже предполагает их движение ко всё более открытым формам мультикультурных объединений. Широкое употребление понятий "международное образование", "транснациональное образование" и др. отражает процесс внедрения международного измерения в преподавание и в сферу различных образовательных услуг, что влечёт за собой не только выгодные экономические следствия, но и разнообразные межкультурные связи и отношения в студенческой и преподавательской среде.

В контексте современного мультикультурного, взаимосвязанного и взаимозависимого мира, в совершенно несхожих условиях воспроизводится практика (идея) средневековых университетов, когда локальная корпорация "оказывает в то же время интернациональную: её члены, преподаватели и студенты прибывают из всех стран; она интернациональна и по способу деятельности, ибо наука не знает границ, и по своим горизонтам, поскольку санкционирует *licentia ubique docendi* – право преподавать повсюду, чем и пользуются выпускники крупнейших университетов" (Ле Гофф, 1997).

Но если пространством средневекового университета был весь христианский мир, то пространством современного университета становится всё мировое сообщество. И в свете этого значение университета как "сообщества коммуникации" (Ю. Хабермас) становится огромным. По мнению Хабермаса, главным законом университета является коммуникация. Так, он пишет, что в конечном итоге именно коммуникативные формы научной и академической аргументации связывают вместе все разнообразные функции университетского учебного процесса (цит. по *Delanty*, 2003). Общность опирается не на органическую идентичность, но на рациональную коммуникацию. Если в прежних моделях университета структурирующей идеей могла выступать культурная принадлежность или осознаваемая этничность, то в модели Хабермаса – идея коммуникации. Хабермас акцентирует эгалитарное и универсалистское содержания форм университетской коммуникации, обусловленные нормами научной и образовательной деятельности, что, на взгляд автора статьи, можно рассматривать как преимущество данного вида коммуникации.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что в информационном обществе значительно возрастает значение теоретического знания в общественном производстве. Предпосылки инноваций данного типа общества лежат в сфере теоретического знания, поэтому огромную роль как в решении технических проблем, так и в разрешении социальных сложностей (демография, экономика, социальная защита, траектории занятости) приобретают теоретические модели. Сама же суть теоретической модели предполагает её применимость к разнообразным областям практики, не ограниченным национальными или географическими рамками (*Уэбстер*, 2004). Таким образом, учёный, занимающийся разработкой теоретического знания, – а такова преимущественно сфера университетской науки, особенно фундаментальной, – вольно или невольно через свой предмет размышляет о мире в масштабе не локальном или национальном, а глобальном.

В условиях доминирования ценности высшего образования в сознании человека информационного общества и неуклонного возрастания числа людей, стремящихся получить таковое, университет является важным каналом формирования общественного мнения и нового общественного сознания в очень широких масштабах. Сама практика функционирования университета как интеллектуального сообщества, выстраивающего коммуникацию на основе равноправного партнёрства, уважения культурного многообразия, неангажированного (в идеале!) научного поиска, могла бы формировать толерантное сознание мультикультурного мира. Такой идеальный университет стал бы местом формирования той духовной аристократии, аристократии массового общества, о которой с надеждой писал К. Ясперс: "Мир достиг бы вершины своей истории, если в самих массах осуществилось бы то, что раньше ограничивалось кругом аристократии. Это воспитание, дисциплина жизненного уклада и мышления отдельного человека, способность учиться, приобщаться к духовной жизни, размышлять и взвешивать, находить исторически разумное в самых острых исторических коллизиях критичных по отношению друг к другу и вместе с тем солидарных друг с другом людей" (Ясперс, 1991а).

Можно предположить, что в мультикультурном пространстве современного университета будут формироваться *новые граждане-субъекты*, гражданственность которых будет пониматься иначе, чем

права и обязанности гражданина определённой страны. Противоречия процесса глобализации (социальное неравенство в старых и новых проявлениях, неэквивалентный информационный обмен и массивированная вестернизация, сложности сохранения культурной идентичности) заставляют акцентировать проблему новой гражданственности глобализирующегося мира как осознание субъектами деятельности своих обязательств в отношении всего человечества и безопасности мира в целом. Трагические события последних лет, связанные с многочисленными террористическими актами в разных странах мира, показали, насколько уязвимым в своей взаимосвязанности является современный мир. В этом контексте проблемы удержания равновесия в мультикультурном мире приобретают экзистенциальный характер. Любые удачные (или благополучные) модели мультикультурного развития необходимо учитывать при выработке стратегий развития мирового сообщества. Может быть, именно современные университеты будут способствовать принятию массовым сознанием идеи и практики мультикультурного развития.

3. Философия в структуре университетского образования, или о пользе бесполезного

Чтобы выполнить такую миссию современный университет должен сохранять гуманистический дух образования, формировать неутилитарные мотивы образовательной деятельности, создавать какие-то формы идентичности, вырабатывать некий общий язык новой культуры. Решение этих задач, в свою очередь, должно вернуть почётный статус философии в структуре университетского образования.

Начиная со второй половины XIX века и по сей день, философию часто обвиняют, в соответствии со ставшей уже классической формулировкой: "польза от философии не доказана, а вред от неё возможен". И если раньше вред занятий философией чаще виделся в порождаемых ею скептицизме и вольнодумстве, в наш прагматичный век основные претензии к философии (особенно как элементу образовательного процесса) связаны с её сугубо неутилитарным характером. Зачем современному человеку и современному студенту спекулятивное знание, которое не обеспечивает ему никаких преимуществ на рынке труда и в социальной иерархии? Подобные рассуждения основаны на восприятии студента, прежде всего, как будущего агента производства и носителя определённой профессии. При подобном подходе игнорируется то, что составляет одно из ярких проявлений именно человеческой природы: потребность в неутилитарной деятельности и в смысле. Образование, рассматриваемое как процесс приобщения индивида к культурным смыслам – а именно так должно мыслиться университетское образование, – обязательно предполагает неутилитарные мотивы субъекта образования. Так, гумбольдтовский идеал образования, которому следовала его концепция науки и университета, и который в последнее время часто анализируется как вновь искомый, связан с образом ищущего человеческого духа, восходящего путем своей рациональной критической деятельности до высшего понимания и нравственного совершенства. Образование для такого субъекта выступает процессом самостановления, саморазвития, в котором поиск истины неотделим от нравственного поиска.

Хотелось бы в этом месте вспомнить слова другого мыслителя – Х. Ортега-и-Гассета, хотя и полемизировавшего в духе экзистенциализма с гумбольдтовской идеей университета, но горячо ратовавшего за жизненные смыслы образования. "Культура – писал он, – это система жизненных идей, которой обладает каждая эпоха. Или так: это система идей, *благодаря* которым время живет. Человек всегда живет исходя из некоторых заданных идей, которые составляют твердую почву, поддерживающую его существование. Эти, как я их называю, "жизненные идеи", или "идеи, благодаря которым живут", являются ни больше ни меньше как нашими реальными убеждениями о том, что есть мир". В соответствии с этой установкой важнейшая задача университета заключается в том, чтобы "просветить" человека, приобщить его к полноте культуры своей эпохи, открыть ему с ясностью и необходимостью огромный настоящий мир, в который он должен втиснуть свою жизнь, чтобы она стала аутентичной" (*Ортега-и-Гассет*, 2002).

И какой другой курс, как не курс философии, в высшем учебном заведении более всего соответствует вышеназванным потребностям и мотивам обучающегося? Бесполезная с точки зрения непосредственного практического результата, философия отвечает потребности человека определить самого себя и как родовое существо, и как отдельную личность. Как любовь к мудрости, она может быть отнесена к ряду других "бесполезных" феноменов человеческого бытия – переживание красоты, любовь, бескорыстное творчество, приверженность неконъюнктурной идее, следование нравственным принципам. Сегодня даже просветительно-информационная функция курса философии является очень важной, поскольку ориентация современного общества на конкретный момент быстротекущего процесса, на взаимодействия в режиме реального времени не способствует созданию у студентов исторического контекста. Изучение философии восполняет этот пробел, т.к. помогает воспринимать мир через нарратив (в обычном, а не постмодернистском значении), связывая прошлое и настоящее посредством "вечных" философских вопросов, решаемых каждой эпохой по-своему. Тем более ценен тот

результат, когда в результате изучения философии открывается важнейшее человеческое содержание философской проблематики, когда студенту становится понятной идея К. Поппера о том, что все люди – философы. С точки зрения универсальности своей проблематики, т.е. общечеловеческого содержания философских вопросов, а часто и их решений, философия является идеальным основанием коммуникации мультикультурного сообщества. Автору импонирует идея К. Ясперса о том, что именно философская вера, как вера в трансцендентное, раскрывающая глубокое сущностное равенство всех людей, ориентирующая на узнавание себя в другом, может стать основанием ненасильственной коммуникации (Ясперс, 1991б).

Образование, как и другие сегменты общественной жизни, отражает объективные тенденции процесса глобализации, что проявляется в интернационализации образовательной и академической сфер, а также в изменении функций и традиционной роли университетов. Сохранится ли функция университета как домена культуры, как социального института, формирующего культурные установки общества посредством содержания и качества университетских образовательных программ и статуса выпускника? Положительный ответ предполагает и признание философии в качестве обязательного элемента образовательного процесса. Если мы надеемся, что выпускник университета будет не только профессионалом, но и широко мыслящим социальным субъектом, мы должны создавать в университетской образовательной среде условия для развития рефлексивности. Изучение философии (конечно, творческое, а не догматическое) является одним из таких условий.

4. Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что противоречия современного функционирования университета, связанного с балансированием между требованием экономической эффективности и императивом сохранения культуротворческой миссии, приводят к трансформации прежней идентичности университета. Университет выступает таким социальным институтом, который более всего способен органично связать идеи знания, технологий, рынка, глобального мира, гражданственности и культурного многообразия. Традиционная интегративная функция университета осуществляется ныне в значительно более широком масштабе, чем это было в прежние эпохи, что позволяет рассматривать университет как модель мультикультурного сообщества.

Литература

- Bauman Z.** Society under Siege. *Cambridge, UK: Polity; Malden, MA, Blackwell Pub.*, 256 p., 2002.
- Bok D.** Universities in the marketplace: The commercialization of higher education. *Princeton & Oxford, Princeton University Press*, p.233, 2003.
- Delanty G.** Challenging knowledge: The University in the knowledge society. *Philadelphia, PA, Society for Research into Higher Education, Open University Press*, p.175, 2003.
- Hassan R.** The chronoscopic society: Globalization, time and knowledge in the network economy. *N.Y., Peter Lang*, c.79, 2003.
- Бучаченко А.Л.** Химия как музыка. *Тамбов, М., СПб., Баку, Вена, "Нобелистика"*, с.26, 2004.
- Ле Гофф Ж.** Интеллектуалы в средние века. *Долгопрудный, Аллегро Пресс*, с.59, 93, 1997.
- Ортега-и-Гассет Х.** Миссия университета. *Отечественные записки*, № 4-5, 2002.
- Ридингс Б.** Университет в руинах. *Отечественные записки*, № 6(15), 2003.
- Плотинский Ю.М.** Модели социальных процессов. *М., Логос*, с.296, 2001.
- Уэбстер Ф.** Теории информационного общества. *М., Аспект Пресс*, с.74-79, 2004.
- Шнедельбах Г.** Университет Гумбольдта. *Логос*, № 5-6(35), 2002.
- Ясперс К.** Истоки истории и её цель. *В кн.: Смысл и назначение истории. М., Изд-во политической литературы*, с.145, 1991а.
- Ясперс К.** Философская вера. *В кн.: Смысл и назначение истории. М., Изд-во политической литературы*, с.421, 420-508, 1991б.